

УДК 398.22

**ОБРАЗ ИМАМА ГАЗИ-МУХАММЕДА В АВАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ
О КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ**

М.Р. Халидова

Институт ЯЛИ ДНЦ РАН, Махачкала

Lyalidnc@iwt.ru

Аннотация: В статье рассматривается представленный в дагестанском фольклоре образ первого имама Гази-Мухаммеда, выдвинувшего идею объединения народов Дагестана и Чечни на основе ислама в народно-освободительной борьбе горцев. В легендах и преданиях о Кавказской войне Гази-Мухаммед изображен как эпический герой, идеальный предводитель, обладающий полководческим талантом, провидческим даром, готовностью умереть за свою веру. Он наделен также высокими достоинствами: ученостью, мужеством, душевной щедростью.

Abstract: The article covers the presented in the Dagestan folklore image of the first Imam Ghazi-Muhammed, whosuggested the idea of uniting the peoples of Dagestan and Chechnya in their national liberation struggle on the basis of Islam. In the legends and folk tales about the Caucasian War Ghazi-Muhammed was depicted as an epic hero, an ideal leader with leadership and visionary talent, who was willing to die for the faith. He was also invested with such high qualities as scholarship, courage, generosity.

Ключевые слова: легенды и предания, Кавказская война, Гази-Мухаммед, Магомед Ярагский, эпический герой, идеальный предводитель, имам.

Keywords: legends and folk tales, Caucasian war, Ghazi-Muhammed, MagomedYaragskiy, epic hero, ideal leader, Imam.

Кавказская война удивила мир своим массовым героизмом. Она породила народные произведения, в которых воспеваются храбрость, мужество, свободолюбие горцев и воинский талант предводителей народно-освободительного движения.

Образ Гази-Мухаммеда, первого имама Дагестана и Чечни, объединившего разрозненные горские народы на основе шариата, предстает в аварских легендах и преданиях как идеальный предводитель, фанатично верящий в свое высокое историческое предназначение. Убежденность в непреложности своей грядущей миссии он черпал в вере о предопределении.

Согласно легенде, записанной русским ученым В.А. Потто (*Потто В.А.*, 1889. С. 29), муршид Магомед Ярагский, выступающий в ней как божественный посредник, провозгласил Гази-Мухаммеда имамом и благословил на священную войну. В легенде говорится, что во время чтения Гази-Мухаммедом священного Корана на горе произошли необычайные природные явления: оглушительный гром, колебание скал, дрожание земли, и эта чудодейственная, магическая атмосфера предшествовала божественному озарению муршида. Здесь как бы сама природа дает знать о грядущих катаклизмах, предсказывая высокую миссию, возложенную на будущего имама.

После избрания Гази-Мухаммеда имамом из уст в уста передавали изречение шейха Магомеда Ярагского о нем: «Наш имам будет не поводырем слепых, а предводителем зрячих» («Беццазда нух малъулев чильун гуру нильбер имам вукӀине вугев, канлъи бихъаразул бетӀерлъун вукӀине вуго») (*Тагиро М.*, 1992. С. 105). Сказанное означало, что последователи Гази-Мухаммеда – не «слепые фанатики», какими порою представляли их российские генералы и политические деятели, а «зрячие», т.е. ясно осознающие свои цели. И на этот тяжелый путь борьбы они вступили во имя свободы и независимости своего края. Для этой борьбы им был необходим авторитетный вождь, предводитель, который сумел бы объединить народы Дагестана, повести их за собой на газават. Именно такой личностью выступает Гази-Мухаммед.

«Когда имам Гази-Мухаммед собрал людей для объявления газавата, к нему из разных сел явилась делегация алимов, которые сказали ему: «Разве ты не видишь, какую трагедию ты готовишь для народа? Война уничтожит наш народ. Зачем нам газават? Мы никогда не победим гяуров, надо пойти на компромисс».

Гази-Мухаммед бросил в их сторону резкий взгляд и сказал: «Сегодня вы пришли ко мне с думой о народе. По-вашему выходит так, что я не думаю о народе. Пусть будет так. Главное, народ знает, почему и ради чего я начал эту борьбу. Но вы знайте, что меня, «приносящего горе народу», Всевышний и потомки вознесут до золотых высот. А вас, ищущих блага для народа и ставших против меня, они проклянут» (*Омаров М.*, 1999. С. 13).

Тема Кавказской войны действительно актуальна, востребована и в наше время, о чем свидетельствуют научные работы, посвященные ей, изданные как в России, Турции, так и на Западе. Среди них особый интерес вызывает вышедшая два года назад в США в издательстве Индианского университета книга «Russia's People of Empire. Life Stories from Eurasia, 1500 to the Present» (Bloomington: Indiana University Press, 2012). В ней даны биографии выдающихся писателей, ученых, а также военачальников и представителей других областей деятельности, среди которых – Ломоносов, Багратион, Гоголь, Сталин и «менее известные, но не менее примечательные личности», начиная от Ермака до наших современников.

Дагестанский исследователь М. Мусаев в статье «Ребекка Гульд об имаме Шамиле» отмечает: «Большинство героев книги представляют национальные меньшинства, что подчеркивает великое разнообразие России, формирование её как многонационального государства. В числе истории людских судеб представлено и жизнеописание имама Шамиля, автором которого является американка Ребекка Гульд» (*Мусаев М.*, 2014. С. 22–29).

«Нет фигуры более значимой в акте памяти народов Кавказа, чем имам Шамиль», – пишет Ребекка Гульд (Цит. по: *Мусаев М.*, 2014. С. 22).

Известный ученый Н.А. Смирнов верно подметил существенное отличие между предшественниками и Гази-Мухаммедом: «Если до Гази-Мухаммеда лица, возглавлявшие то или иное движение, называли себя пророками и шейхами для того, чтобы, пользуясь влиянием религиозной идеологии, возвысить свой авторитет в глазах верующих и противопоставить себя местным ханам и бекам, то Гази-Мухаммед был первым, кто выдвинул идею объединения на основе ислама народов Чечни и Дагестана под лозунгом газавата, т. е. священной войны. Священную войну он объявил не только военно-оккупационному режиму, установленному царскими властями на Кавказе, но и местным ханам, поддерживавшим этот режим, и даже тем горцам-мусульманам, которые покорились русским» (*Смирнов Н.А.*, 1963. С. 57).

В народных произведениях Гази-Мухаммед изображается как человек исключительного мужества и непреклонных убеждений, непримиримый к противникам, в частности, к Аслан-хану Гази-Кумухскому, наделенный при этом даром магического воздействия на окружающих и даже на таких неординарных личностей, как Магомед Ярагский и Джамалутдин Гази-Кумухский. Таковым предстает он в легендарном предании «Как ослеп Ярагилав и как потерял дар речи кумухец», повествующем о том, как Аслан-хан, вызвав к себе Гази-Мухаммеда, выразил недовольство за внедрение им среди горцев шариата. В ответ возмущенный Гази-Мухаммед в резкой форме отчитал всесильного хана, потомка пророка, за неподдержание им шариата. «Присутствующие при этом были потрясены бесстрашной речью Гази-Мухаммеда в адрес хана, которому никто не смел перечить. Они пытались остановить его, но тщетно... Гази-Мухаммед по-прежнему продолжал, обращаясь к мюридам: «Вы почему его боитесь? Пусть он хан, но есть и выше его – это Аллах» (Сказания народов Дагестана., 1997. С. 19).

Гази-Мухаммед излучал гипнотическую энергию, страстную уверенность в своей правоте, в своих убеждениях. Когда он, повернувшись к Аслан-хану спиной, начал обуваться, хромой сын хана, «разозлившись на Гази-Мухаммеда за проповедь в адрес отца, сказал: «Посмотрите на этого гордеца! Моему отцу, которому еще никто не смел показать спину, наговорил такое, что собаке не говорят. Если бы он не был ученым, я бы ему отрубил голову».

«Отрубил бы, если бы Аллах позволил», – сказал Гази-Мухаммед, повернувшись к нему» (Сказания народов Дагестана., 1997. С. 20).

Мстительный хан потребовал от шейхов Магомеда Ярагского и Джамалутдина Гази-Кумухского, чтобы они исключили Гази-Мухаммеда из числа мюридов и дали знать ему об этом письменно. Стоило почтенным старцам дать согласие на требование Аслан-хана, как Магомед Ярагский ослеп на оба глаза, а Джамалутдин лишился дара речи. Поняв, что это наказание за прегрешение перед Гази-Мухаммедом и раскаявшись в содеянном, они стали просить у

Всевышнего прощения и поклялись, что не отправят к Гази-Мухаммеду письма. Тут же Магомед Ярагский прозрел, а Джамалутдин обрел дар речи. После этого в их душах пробудились непреходящие чувства особого уважения и любви к Гази-Мухаммеду, сохранившиеся до самой его смерти. И в дальнейшем они, хотя и знали, что Аслан-хан может их убить, преданно и непоколебимо поддерживали Гази-Мухаммеда.

Это легендарное предание, вероятно, сложилось на основе действительного события, произошедшего между Гази-Мухаммедом и Аслан-ханом Гази-Кумухским, а также и Магомедом Ярагским и Джамалутдином Гази-Кумухским. В документальной исторической повести Гасанилава Гимринского «Газимухаммад» также приводится вышеназванное предание, которое, видимо, широко бытовало в народе, особенно среди алимов (*Гимринский Г.*, 2004. С. 141–144).

Интересный факт из жизни первого имама также подтверждает, что Гази-Мухаммед был незаурядной личностью, оказывал магическое воздействие на окружающих, подчинял их своей воле. Когда в горах насаждали шариат, Гази-Мухаммед отправился на равнину к Махди-шамхалу (Тарковскому) и потребовал: «Ты обязан ввести шариат в своей стране (вилайте).». «Шамхал побледнел, очень перепугался и не смог ответить Газимухаммаду каким-либо резким словом.

– Делай, делай, Газимухаммад! Делай ты в моем вилайете, буду и я делать. На то мое согласие и разрешение тебе» (*Гимринский Г.*, 2004. С. 124).

В народных произведениях с образом Гази-Мухаммеда связывается художественно выраженная тема рока, пророческого предвидения о высоком назначении Шамиля, которая проходит в преданиях в различных вариациях («Сон Гази-Мухаммеда», «Если бы ты знала, кто такой Шамиль!» «Гази-Мухаммед и Шамиль» и т. д.)

Так, в предании «Если бы ты знала, кто такой Шамиль...» наглядно проявляются необычайный провидческий дар, магические способности имама Гази-Мухаммеда. Рассказывают, что «как-то при встрече с имамом Гази-Мухаммедом одна старая женщина пожаловалась ему на муталимов, особенно на Шамиля. В ответ Гази-Мухаммед сказал ей: «Если бы ты знала, кто такой Шамиль и какое будущее его ожидает!» «Почему я не знаю, – обиженно возразила старушка, – этот Шамиль – сын нашего Денгава». Гази-Мухаммед, рассердившись, промолвил: «До камня быстрее дойдет сказанное, чем до тебя». В это время как бы в подтверждение сказанного зашевелился каток на крыше. По знаку имама он тут же остановился» (Сказания народов Дагестана..., 1997. С. 28).

Как идеальный предводитель Гази-Мухаммед в преданиях наделен высокими достоинствами: он обладает не только провидческим даром, умением подчинять окружающих своей воле, но и разносторонними знаниями, душевной щедростью, отзывчивостью (предания «Гази-Мухаммед и Шамиль», «Гази-Мухаммед», «Об освобождении из рабства гимринца» и др.).

Историческая личность предстает в фольклоре как идеальная, если соответствует народным идеалам, этико-нравственным нормам, согласно которым внимание к беднейшим слоям общества является основным критерием оценки предводителя. Подобное восприятие личности Гази-Мухаммеда, его благородных поступков наглядно прослеживается в предании «Об освобождении из рабства гимринца» (Аварские народные сказки, 1958. С. 198–199). Находясь в крепости Кизляр, Гази-Мухаммед узнал, что в Ногае в положении раба находится некий гимринец, и тут же поехал на его розыски. После долгих расспросов он наконец добрался до ногайского селения, где и нашел своего земляка Хирачил Магомеда. Гази-Мухаммед попросил сына хозяина (сам хозяин уехал в хадж) отпустить вместе с ним на родину его земляка. Молодой ногаец, изумленный красотой и изяществом черкески, в которую был одет Гази-Мухаммед, не мог оторвать взгляда от нее. И он согласился освободить гимринца, если Гази-Мухаммед уступит ему свою черкеску. Последняя, как и оружие, всегда была предметом гордости для горца, но Гази-Мухаммед не раздумывая снял ее и накинул на юношу.

Такая щедрость возвеличивает вождя горцев, раскрывает его нравственную сущность. Как отмечает А.Я. Гуревич, щедрость в средневековом обществе воспринималась «определяющим качеством вождя не менее существенным, чем военная удача» (*Гуревич А.Я.*, 1972. С. 199). Следует заметить, что детали одежды, редко упоминаемые в преданиях, используются здесь в целях создания идеального образа.

Гази-Мухаммед, вопреки запретам учителя, известного ученого Саида Араканского, а также наставника шейха Джамалутдина, возглавил народно-освободительную борьбу горских народов. По преданию «Гази-Мухаммед», он, опасаясь влияния Саида Араканского на горцев, особенно на араканинцев, собрал в Ирганае [Ирганай – ныне селение Унцукульского района], в местности Кваритлух, жителей сел. Гергебиля, Эрпели [Эрпели – ныне селение Буйнакского района] и

произнес перед ними речь: «Следует быть по-настоящему верующими людьми, строго соблюдать все предписания шариата – в противном случае не ждите от меня пощады».

Сподвижники имама из Гимры, недовольные его резким выступлением, сказали ему: «Твоя речь должна быть доброжелательной, внушающей доверие к твоей вере и располагающей людей к тебе». На это имам ответил: «Что за странные речи я слышу от вас, почему я должен льстить им, разве я нанимаю работников для своего хозяйства?» (Сказания народов Дагестана..., 1997. С. 28).

Здесь Гази-Мухаммед, будучи человеком непреклонных убеждений, требует от горцев неукоснительного соблюдения предписаний шариата. Судя по приведенному преданию, при общении с горцами первый имам не всегда проявлял такие необходимые качества для предводителя, как терпимость, дипломатичность.

В другом предании – «Иса из Чиркея» – Гази-Мухаммед представлен как искусный проповедник, оратор, умеющий привлечь людей на свою сторону, внушить им веру в свою правоту. Когда в 1828 году имам со своими приверженцами прибыл в аул Чиркей, чтобы призвать жителей к шариату, более сорока молодых вооруженных чиркеевцев на конях примкнули к его отряду. Рассказывают, что красивый, статный юноша, держа под уздцы прекрасного жеребца, подошел к имаму и сказал: «Газимагомед, примите этого скакуна в подарок. Дарю от всей души и очень прошу и меня взять в свой отряд». Говорят, Газимагомед так ответил юноше: «Спасибо, герой, за подарок, но конь у меня есть. А вот второй твоей просьбе я вдвойне рад: садись на своего жеребца и пристраивайся к моему отряду» (Дадаев Ю. У., 1997. С. 47).

Здесь проникнутый праведными чувствами к Гази-Мухаммеду, Иса из Чиркея пожелал подарить ему коня, что являлось самым ценным и дорогим для горца-воина. Так он выразил свое отношение к имаму: восхищение, преклонение перед ним, желание бескорыстно служить и быть ему полезным. Иса до самой смерти не покидал Гази-Мухаммеда и погиб вместе с ним в Гимринском сражении.

По сведениям лезгинского ученого Г. Садыки, Гази-Мухаммед обладал и поэтическим даром. В сборнике «Асари ал-Яраги» ученый обнаружил стихотворение Гази-Мухаммеда «Клич к газавату», оно было опубликовано в газете «Путь ислама» (1993. № 3):

Невежда выносит несчастному свой приговор,

Презренный – во главе, достойный низвергнут в позор.

Спаси от позора нас может теперь газават.

Нет больше дорог – говорит вам Гази-Мухаммад.

Пускай запыхает повсюду священный пожар.

Точите кинжалы, молитесь! Аллах велик! (Цит. по: Рамазанов Х.Х., 2003. С. 65).

Магомед Ярагский четко определял качества, необходимые для имама, предводителя освободительной борьбы: ученость, храбрость, уважение простых людей и безукоризненную нравственность. Среди них на первое место он ставил ученость. Именно таким был Гази-Мухаммед. Как было отмечено выше, он был учеником Саида Араканского. Тот сказал своему кунаку Сакиталау, односельчанину Гази-Мухаммеда: «В нашем обществе «Хиндалалов» не найти ещё одного такого ученого, как он (Гази-Мухаммед. – Авт.). Ты послушай меня. Приходил он раз ко мне с тем, чтобы учиться у меня, а на деле сам поучил меня и ушел. Совсем особых свойств человек он. Вы тоже узнаете его после» (Гимринский, 1997. С. 188).

Признанный ученый Гази-Мухаммед требовал почтительного отношения к ученым. В 1827 году он писал шамхалу Тарковскому: «Удивительнее всего в вашем письме фраза «Я люблю ученых и приглашаю их». Ты не знал цену науки. Коли бы знал, то ты не вызывал бы ученых к себе, а сам бы посещал их потому, что науку посещают, а не наука посещает. Я не пойду к султанам, а если у них ко мне имеется дело, пусть они сами приходят» (Движение горцев... 1959. С. 56).

Один из руководителей борьбы горцев Гаджи-Али Чохский писал, что Гази-Мухаммед – «человек ученый и храбрый. Он действовал на народ своим умом и знанием, не проливал кровь мусульман, не грабил их имущество, не прельщался земными благами и не дорожил жизнью» (Гаджи-Али, 1990. С. 11).

Во многих преданиях, литературных воспоминаниях говорится об ожесточенной защите горцами сел. Гимры, где 10 октября 1832 года произошло последнее сражение Гази-Мухаммеда. Многочисленные царские войска под командованием барона Розена подступили к селению. Гази-Мухаммед со своим небольшим отрядом несколько раз отбивал штурм Гимры. После ожесточенного боя селение было оставлено горцами, отступившими в ущелье. И здесь Гази-Мухаммед потерял несколько храбрецов. Оставшиеся пятнадцать мюридов заперлись в

двухэтажной башне, построенной в самом узком месте Гимринского ущелья. Вскоре из этой горстки храбрецов в живых осталась лишь половина... И тогда Гази-Мухаммед обратился к мюридам со словами: «Здесь всех нас перебьют, и мы погибнем, не причинив вреда врагу, лучше пробиваться...» Однако желающих первыми броситься на явную смерть не нашлось.

Затем Гази-Мухаммед обратился к Шамилю: «Дорогой мой, я видел сон, что отсюда спасешься только ты, тебе придется возглавить газават». Он обнял Шамиля, окинул прощальным взглядом мюридов и прыгнул из башни. Но брошенный с крыши камень, угодив в шею, свалил его с ног, и имам был заколот штыками (*Дибиров М., 1973. С. 52*).

Предание о защите горцами сел. Гимры 10 октября 1832 года, возникшее, очевидно, по следам героических событий, проникнуто мыслью о «страстном желании смерти за веру в священной войне». Смерть имама Гази-Мухаммеда поистине величественна: он, будучи один против многих, бросился в гущу врагов и умер шахидом, приобщившись мученической смертью к святым.

Мотив «один против многих» или «немногие против многих» весьма характерен для религиозных произведений, подтверждение тому находим в «Дербент-наме»: «Когда один мусульманин выходил на поле боя для сражения, то, если его атаковали даже десять тысяч кафиров, от благоговейного трепета, перед тем мусульманином (все те) десять тысяч кафиров-христиан (замертво) пали на землю»; «каждый мусульманин-газий убивал в тот день по триста кафиров» (*Дербент-наме, 1993. С. 23*).

В основе образов имамов – идеальных предводителей, в частности, Гази-Мухаммеда, – лежат те присущие им качества, которые высоко ценятся ортодоксальным исламом: ученость, борьба с «неверными», готовность пойти на смерть за мусульманскую веру, провидческий дар, стойкость взглядов.

Обращает на себя внимание, что характеристика, данная известным дагестанским ученым Д.М. Магомедовым разносторонней личности имама Гази-Мухаммеда, в целом перекликается с трактовкой этого образа в народной исторической прозе. «Сама личность Гази-Мухаммеда очень точно соответствовала той исторической миссии, которая выпала на его долю. Свободный уздень, равный среди равных, авторитетнейший ученый, человек твердых убеждений, непреклонной воли, личного мужества, пламенный проповедник и оратор, предводитель народа праведной чистоты и честности, он являл пример идеального руководителя народных масс. Он излучал особую энергию и страстную убежденность в правоте и праведности начинаемого дела» (*Магомедов Д., 1997. С. 30*).

ЛИТЕРАТУРА

- Аварские народные сказки / сост. М. Саидов. Махачкала, 1958. На авар. яз. – 230 с.
- Гаджи-Али*. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1990. С. 22–108.
- Гимринский Г.* Газимухаммад: повесть. // Багадур Малачиханов / автор-сост. А.М. Муртазалиев. Махачкала, 2004. С. 84–187.
- Гимринский Г.* Имам Гази-Магомед / пер. с авар. Б. Маллачиханова // Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997. – 178 с.
- Гуревич А.Я.* Категория средневековой культуры. М., 1972. – 318 с.
- Дадаев Ю.* По тропам шамилевских сражений. Махачкала, 1997. – 280 с.
- Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х годах XIX века: сборник документов. Махачкала, 1959. – 59 с.
- Дербент-наме (Румянцевский список) / введение, перевод, комментарии Г.М.-Р. Оразаева // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. – 301 с.
- Дибиров М.* Сильные и стойкие. Махачкала, 1973. – 112 с.
- Магомедов Д.* Уроки истории и современность // Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997. С. 26–31.
- Мусаев М.* Ребекка Гульд об имаме Шамиле // Дагестан. 2014. № 10 (109). – С. 22–29.
- Омаров М.* О Нажмудине // Ахульго. 1999. № 3. Ноябрь. С. 12–14. Гази-Мухаммед оказался прав: потомки не забыли его. В 1994 году общественность Дагестана и Чечни широко отметила 200-летие со дня рождения Гази-Мухаммеда, первого имама Дагестана и Чечни. В сел. Гимры на месте гибели Гази-Мухаммеда установлено мемориальное сооружение.
- Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Тифлис, 1889. Т. 5. Вып. I. С. 29.

Рамазанов Х.Х. Эпоха Шамиля. Махачкала, 2003. – 342 с.

Сильные и стойкие. Махачкала, 1973.

Сказания народов Дагестана о Кавказской войне / сост. М.Р. Халидова. Махачкала, 1997. – 170 с.

Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. – 156 с.

События, о которых повествуется в легенде, произошли приблизительно в 1828–1829 годах, когда Гази-Мухаммед еще не был провозглашен имамом.

Тагиров М. Имам Гази Мухаммад // Имам Газимухаммад. Махачкала, 1992. На авар. яз. С. 83.